

Сергей АВЕРИНЦЕВ (1937-2004) — родился в Москве. Окончил классическое отделение филологического факультета МГУ. Академик Российской Академии наук. Автор многочисленных работ по истории культуры, переведенных на ряд европейских языков. См. в предыдущем номере “Континента” материалы, посвященные памяти С.Аверинцева — Интервью С.С.Аверинцева журналисту Илье Медовому (2001), расшифровки магнитофонных записей нескольких проповедей, произнесенных С.С.Аверинцевым в 1993 году в Соборе Сретения Владимирской иконы Божьей Матери бывшего Сретенского монастыря, и очерк О.Седаковой “Слово Аверинцева”.

Сергей АВЕРИНЦЕВ

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ПОЭЗИЯ ИЗУМЛЕНИЯ

Высокопреосвященнейший Владыка,

глубокоуважаемая Ольга Александровна,

глубокоуважаемые коллеги,

Все мы помним слова того самого Аристотеля, которого в Средние Века называли просто *Философом*, о том, какое состояние души, по его мнению, наиболее приличествует философу — то есть, по этимологическому смыслу, любителю и искателю Мудрости: это состояние — изумление, *to thaumazestai*. Любомудр — тот, у кого все удары жизни не могут истребить способности к изумлению.

Поэзия Ольги Седаковой достойна именованья метафизической не потому, что у нее имеются так называемые “философские темы” или “философские мотивы”, — но потому, что поэзия эта от начала до конца живет именно изумлением. Это очевидно для каждого, имеющего уши, чтобы слышать, в каждом *forte fortissimo* ее музыки:

Ты развернешься в расширенном сердце страданья,

дикий шиповник,

о,

ранящий сад мирозданья!..

Или еще:

...О, какое горе, о, какое

горе, полное до дна!

При том как раз тема изумления, заметим а ргоров, решительно препятствует таким всплескам силы звука переходить в тривиальную громкоголосость, в музыкальный шум, хуже того, в ораторский выкрик и взмах рукой — от чего Седакова оберегает свой стих пуще всего.

Но вовсе уж предел (и запредельность!) изумления выражаются, естественно, в *pianissimo*:

...Сделай, как камень отграненный,
и потеряй из перстня
на песке пустыни. [...]
И никто бы его не видел,
Только свет внутри и свет снаружи.

Или еще:

А свет играет, как дети,
Малые дети и ручные звери.
...Жизнь ведь — небольшая вещица:
вся, бывает, соберется
на мизинце, на конце ресницы, —
а смерть кругом нее, как море.

Читатель стихов, да и прозы Ольги Седаковой снова и снова встречается у нее слова, прямо называющие тему изумления. Любитель статистики мог бы заняться подсчетом частоты слов вроде “*странный*”.

...Странное, странное дело,
почему огонь горит на свете,
почему мы полночи боимся
и бывает ли кто счастливым?..

Вот мы раскрываем наугад “Стансы”, и глаза наши ловят в начале одной из строф:

Как странно: быть, не быть, потом начать
Немного быть...

Или так:

И меня удивило:
как спокойны воды,
как знакомо небо,

как медленно плывет джонка в каменных берегах...

Или еще, из уже цитированного выше стихотворения про Варлаама и Иосафа:

...Его шлют недоуменный плач
превратить во вздох благоуханный
о прекрасной,
о престранной
родине, сверкнувшей из прорех
жизни ненадежной, бесталанной,
как в лачуге подземельной смех...

Еще в “Диком шиповнике” было стихотворение, озаглавленное “*Странное путешествие*”. (Профессионально искушенное по части церковнославянской языковой материи воображение Ольги Александровны, разумеется, живо ощущает связь между лексемами *странный* и *странник*, так что путешествию, т.е. *странствию*, и приличествует быть *par excellence* *странным* — но ведь в мире сем все люди по своему уделу человеческому суть *странники на земле* (ср. Псалом 118, ст. 19) так что и самая жизнь наша именуется *странствием житейским*).

Ориентируясь на *неподвижные звезды*, на примеры Данте и Рильке, продолжая традиции русской метафизической лирики вплоть до Заболоцкого включительно, Ольга Седакова выбрала твердую верность аристотелевскому принципу философского изумления в такое время, когда все усилия теоретиков и практиков т.н. постмодерна направлены на то, чтобы окончательно и бесповоротно изгнать последнее воспоминание о реальности, стоящей за словами *Философа*. Она отлично понимает, на что идет. В ее докладе о постмодернистском образе человека на международном симпозиуме в Ферраре (май 1999 года), имеющем характерное название “*No Soul Any More*” (“*При условии отсутствия души*”) она констатировала: “*Внутренней темой постмодернизма остается обделенность экстазом*”. Речь идет, по ее точному слову, не просто о факте обделенности, но о теме, более того, о неуклонно проводимом проекте. “*Я полагаю, что постмодернистский образ “нас” и “наших дней” ни в коем случае не реалистичен: он отнюдь не описывает феномены, он проектирует их*”. Перед лицом этого проекта последовательная тематизация тихого “экстаза” аристотелевского *thaumazetai* превращается в акт незаурядной отваги. Дай Бог сил тому, кто его избирает! Обсуждая положение христианства в современном мире Седакова как-то, помнится, употребила формулу: “*гонение равнодушием*”; конечно, это не львы и тигры на арене Колизея, однако опыт показывает, что на наших современников перспектива и такого гонения действует, да еще как! Так что о мужестве я говорю вполне всерьез.

Ольга Александровна сумела найти слова похвалы Пушкину за то, что он при всей свойственной его отношениям с читателем технике иронии был “*в области отношений с Музой доверчив и благоговеем, как никто*”. Доверчивая серьезность отношения к своей Музе, наверное, никогда не была делом уж вовсе неопасным; но в наше время подобное поведение особенно резко вступает в противоречие с духом времени.

Тем в большей степени я рад низким поклоном приветствовать Виновницу сегодняшнего торжества.

